

О чем мы

МОЛЧИМ 18+

с моей

матерью

16 очень личных
историй, которые
знакомы многим

Автор-составитель

Мишель Филгейт

при участии Кристины Гептинг

„Заставит ваше сердце
разбиться, а затем вернет
его пылающим, каким
его стоит пронести в себе
через всю жизнь“.

— ЛИДИЯ ЮКНАВИЧ

Содержание

Вступление	9
О чем мы молчим с моей матерью (Мишель Филгейт)	15
Страж и хранитель моей матери (Кэти Ханауэр)	27
Тесмофории (Мелисса Фебос)	57
Ксанаду (Александр Чи)	84
Переулок Минетта-Лейн, 16 (Дилан Лэндис)	101
Пятнадцать (Бернис Макфадден)	134
Не осталось ничего недосказанного (Джулианна Бэгготт)	146
Все та же старая история о моей маме (Линн Стеджер Стронг)	158
Как же все это по-американски (Киезе Лаймон)	170
На материнском языке (Кармен Мария Мачадо)	180
Ты слушаешь? (Андре Асиман)	193
Брат, не одолжишь ли мелочи? (Сари Боттон)	209
Ее плоть — моя плоть (Найоми Мунавира)	222
Все о моей матери (Брэндон Тейлор)	253
И на холме настиг меня страх... (Лесли Джемисон)	272
Иногда молчание — знак заботы (Кристина Гептинг)	318
Благодарности	327
Об авторах	329

Потому что очень горько
так никогда и не рассказать,
что чувствуешь.

Вирджиния Вулф. Волны

Я уверена, что матери отравляют нас.
Мы их идеализируем, относимся к ним как к данности.
Мы их ненавидим, и обвиняем, и превозносим больше,
чем кого-либо в нашей жизни. Мы смотрим на все сквозь
призму их любви, уверяем себя в их нежности и в том,
что так задумано природой. Мы можем красть, лгать,
уходить от них — но они все равно будут любить нас.

Меган Мейхью Бергман. Птицы меньшего рая

Вступление

Когда я готовлю говядину по-бургундски по рецепту Айны Гартен*, моя мама будто стоит рядом. Помешивая ароматный бульон, я мысленно возвращаюсь в детство, на родительскую кухню. Мама проводила там почти все свободное время. К празднику она пекла маковое печенье с малиновым джемом или «поцелуйчики» из арахисовой пасты, а я помогала ей месить тесто.

Стоя у плиты, я ощущаю мамино присутствие. Я всегда думаю о ней на кухне — в ее родной стихии. Добавить говяжий бульон и свежий тимьян... немудреные действия вселяют в меня уверенность. Если точно соблюдать рецепт, потом пальчики оближешь. Но ближе к ночи, несмотря на плотный ужин, у меня от голода будет ныть желудок.

* Айна Гартен — американская писательница и ведущая кулинарной программы под названием «Босоногая графиня». Гартен не имеет кулинарного образования, но готовит с фантазией и пользуется большой популярностью. *Прим. ред.*

Мы с мамой редко разговариваем. Готовить по рецепту мне ничего не стоит. Другое дело — общаться с мамой и тем более писать о ней.

Мне понадобилось двенадцать лет, чтобы закончить эссе, из которого родилась идея этого альманаха. Я начала писать «О чем мы молчим с моей матерью» еще будучи студенткой Нью-Гемпширского университета, под впечатлением от сборника Джо Энн Бирд «Мальчики моей юности». Тогда я поняла, что такое эссе о себе: предъявление прав на свою историю. В то время еще свежи были воспоминания об издевательствах отчима, я злилась на него. Дома при нем я испытывала постоянный страх и мне хотелось исчезнуть, что я в итоге и сделала.

Чего я тогда не осознавала, так это того, что пишу не про отчима. В жизни все сложнее, и порой трудно смотреть правде в лицо. На то, чтобы осмыслить и сформулировать все, что я хотела выразить, ушли годы. Желание (и потребность) писать пробудили разрушенные отношения с матерью.

Мое эссе опубликовали в Longreads в октябре 2017 года, рядом со статьей про Харви Вайнштейна. Движение #MeToo как раз набирало обороты. Казалось бы, идеальный момент. Но в день публикации я до рассвета проснулась от ужаса, что все узнают обо мне такие личные вещи, и больше не сомкнула глаз. Я гостила у друзей в Сосалито и вышла на улицу, прихватив ноутбук. Солнце еще не показалось, воздух был тяжелым от дыма лесных пожаров. На клавиатуре оседал пепел. Как будто горел весь мир. Казалось, я сжигаю собственную жизнь. Жить с болью,

причиненной матерью, — это одно. А обессмертить ее в словах — совсем другое.

Сокровенные признания порождают в душе болезненное одиночество. Хотя я не была одинока. У каждого человека есть мать, пусть даже недолго. Отношения между матерью и ребенком не всегда идеальные. При этом в обществе подразумевается, что праздники все проводят в семейной идиллии. Перед каждым Днем матери я морально готовлюсь к лавине постов о сильных, любящих женщинах, воспитавших замечательных отпрысков. Я рада за них, но все-таки мне немного больно. И не только мне — многим в этот день напоминают о том, чего они лишены. Одни оплакивают преждевременную кончину матери, а другие никогда не знали ее. А кто-то думает, что, хотя его мать жива, она ничего не сумела дать своему ребенку.

Идеал матери — это защитница: она заботится о детях, делает для них все необходимое и поддерживает их, а не подавляет. Однако мало кто скажет, что у него идеальная мать. Что бы она ни делала, совершенство, скорее всего, недостижимо. «Возможно, мы все в такой момент чувствуем перед собой огромную зияющую пропасть, когда наша мать совершенно не соотносится с тем, что, на наш взгляд, должно подразумевать понятие матери, и со всем тем, что это, по идее, должно бы нам давать», — пишет Линн Стеджер Стронг в этой книге.

Такое несоответствие — это нормальный и необходимый опыт познания жизни, но иногда оно оставляет неизгладимый след. Наш общий инстинкт — избежать боли любой ценой. Мы закапываем ее глубоко в себя, пока

не перестанем чувствовать и не забудем о ее существовании. Мы делаем так, чтобы выжить. Но это не единственный способ.

Если выговориться, станет легче. Это по-взрослому. Признавшись в том, о чем вы по какой бы то ни было причине долго молчали, вы улучшите отношения с окружающими, а главное — с собой. И вместе это делать проще, чем в одиночку оказаться в лучах прожекторов.

По-разному сложились отношения с матерями у писателей, объединенных этой книгой: одни с ними не общаются, а другие, наоборот, очень близки. Как выразилась Лесли Джемисон, «рассказ о ее любви ко мне или о моей любви к ней звучал бы как одна большая тавтология: именно мама всегда определяла мое представление о том, что такое любовь». Лесли прочитала неопубликованный роман бывшего мужа матери, чтобы узнать, какой она была до ее рождения. Кэти Ханауэр в своем увлекательном произведении рассказывает, как ей наконец удалось поговорить с мамой без участия властного (но всеми любимого) отца. Дилан Лэндис размышляет, насколько близкими были отношения между его матерью и художником Хейвудом Биллом Риверзом. Андре Асиман описывает жизнь с глухой от рождения матерью. Мелисса Фебос рассматривает отношения с матерью-психотерапевтом через призму мифологии. А Джулианна Бэгготт делится тем, каково это, когда мама рассказывает тебе абсолютно все. Сари Боттон пишет, как ее мать превратилась в своего рода «классового врага», когда разбогатела, и в чем отношения между ними усложнились.

Некоторые эссе пронизаны болью. Брэндон Тейлор с не постижимой нежностью пишет о матери, морально и физически его унижавшей. Найоми Мунавира рассказывает об иммиграции, психических болезнях и домашнем насилии. Кармен Мария Мачадо анализирует свое двойственное отношение к родительству, связанное с холодностью матери. Александр Чи задается вопросом, зачем он хотел оградить мать от информации о пережитом им в детстве сексуальном насилии. Киезе Лаймон объясняет матери, почему он посвятил ей свои мемуары: «Теперь, осуществив свой замысел, я понимаю: проблема нашей страны не в том, что нам не удастся спокойно сосуществовать с людьми, партиями или политиками, с которыми у нас есть разногласия. Проблема в том, что мы ужасны в своей, как нам кажется, искренней любви к людям, родным местам и политикам, к которым мы как будто питаем склонность. Я написал для тебя “Тяжеловеса”, потому что хотел, чтобы мы оба научились друг друга любить». Бернис Макфадден рассказывает, как живуча клевета: ее помнят десятилетиями.

Надеюсь, моя книга станет путеводной звездой для всех, кто не смел открыть правду о себе или своей матери. Чем чаще мы сталкиваемся с тем, чего не можем, не хотим или не знаем, тем лучше понимаем друг друга.

Я скуучаю по маме, которую знала до ее встречи с отчимом, и даже немножко по той, которая вышла за него замуж. Иногда я представляю себе, что дам ей прочитать эту книгу. Вручу за обедом, приготовленным в ее честь. И скажу: вот почему мы никогда не говорили по душам. Вот что я думаю. Я все написала. Это тебе.

О чем мы молчим с моей матерью

Мишель Филгейт

Лакуна: незаполненное пространство или интервал, промежуток

Наши матери — наш первый дом, и поэтому мы всегда стараемся вернуться к ним. Чтобы вспомнить, каково это — иметь место, которое некогда было нашим. В которое мы идеально вписывались.

Мою маму сложно узнать поближе. Точнее, я ее знаю и в то же время совершенно не знаю. Так и вижу ее длинные каштановые с проседью волосы, которые она отказывается обрезать, в руке — стакан водки со льдом. Но если я попытаюсь вызвать в памяти ее лицо, я тут же вспоминаю ее смех, деланный смех, которым она словно пытается доказать что-то, вспоминаю ее натужную жизнерадостность.

Несколько раз в неделю она публикует на своей страничке в Facebook соблазнительные фото еды. Такос со свиной и маринованным красным луком, полоски вяленой говядины только что из коптильни, стейки, которые она подает с овощами на пару. Всё это блюда моего детства; иногда вычурные, иногда простые, но сытные. Но все они вызывают у меня в памяти образ отчима: красноту его лица, красную кровь на тарелке. Он использует кухонное

полотенце, чтобы отереть пот со щек; его рабочие сапоги покрыты древесными опилками. Его слова ранят меня; они словно зубцы вилки, застрявшие в наполовину сдувшемся воздушном шарике.

— Ты — единственная причина всех проблем в моем браке, — говорит он. — Ты, чертова сука. Я тебя прихлопну.

И я боюсь, что так он и сделает, когда я буду лежать в постели, навалится на меня всем телом, вдавливая меня в матрас, пока тот не разверзнется и не поглотит меня.

Теперь мама бережет свои кулинарные умения для мужа. Она сервирует ему ужин в их доме на ферме или в городской квартире. Теперь моя мама больше не готовит для меня.

* * *

Моя комната — типичная комната подростка. Она обклеена журнальными разворотами Teen Beat* и выцветшими портретами Леонардо Ди Каприо и Джейкоба Дилана, сделанными на струйном принтере. Клочки собачьей шерсти взмывают в воздух, стоит легкому ветерку подуть в открытое окно. И неважно, как часто мать пылесосит, эта шерсть повсюду и ее становится все больше.

На моем письменном столе разбросаны учебники, едва начатые письма, ручки без колпачков, высохшие фломастеры и огрызки карандашей. Я пишу, сидя на деревянном полу, спиной упираясь в жесткие ручки комода красного

* Teen Beat — журнал для подростков, выпускавшийся с 1967 по 2007 год.
Прим. перев.

цвета. Мне неудобно, но что-то в этой позе, заставляющей меня находиться в постоянном напряжении, дает мне ощущение покоя.

Мои стихи ужасны, но в минуту подросткового тщеславия они кажутся мне гениальными. Стихи о разбитом сердце, о том, что меня никто не понимает, стихи о том, что меня вдохновляет. Я их распечатываю на бумаге с изображением пляжа и заходящего солнца и называю свой сборник «Летний снег».

Пока я пишу, отчим сидит за своим письменным столом прямо возле входа в мою комнату. Он работает за ноутбуком, но всякий раз, когда раздается скрип его кресла или он начинает двигаться, мой желудок сжимается от ужаса, который поднимается выше, к самому горлу. Я держу дверь в комнату закрытой, но это не важно, потому что мне все равно запрещено запирается.

Вскоре после того, как отчим женился на матери, он сделал для меня простую шкатулку для украшений, теперь она стоит на моем комоде. Дерево гладкое на ощупь, блестящее. На поверхности нет ни одной вмятины или бороздки. В этой шкатулке я храню поломанные ожерелья и безвкусные браслеты. Те вещи, о существовании которых я хочу забыть.

Подобно этим безделушкам в шкатулке, в своей комнате я тоже могу притворяться, что существую или не-существую; я могу быть собой и не-собой. Я исчезаю, погружаясь, как в черные дыры, в мир книг. А когда мне не удастся сфокусироваться, я часами лежу на двухъярусной кровати, надеясь, что мне позвонит мой бойфренд и спасет меня

от моих мыслей. Спасет меня от мужа моей матери. Но телефон не звонит. И эта тишина угнетает. У меня окончательно портится настроение. Я внутренне сжимаюсь, укладывая грусть поверх беспокойства, а его — поверх своих грез.

* * *

— Назови две вещи, которые заставляют возвращаться земной шарик. — Отчим задает мне свой излюбленный вопрос. Мы с ним в его слесарной мастерской в подвале, на нем рабочие сапоги, старые джинсы и потертая футболка. От него несет виски.

Я знаю ответ. Знаю, но не хочу ничего говорить. Он пристально смотрит на меня в ожидании, я вижу морщины вокруг его полуприкрытых глаз, он дышит мне в лицо перегаром.

— Секс и деньги, — бросаю я. Слова словно горячие уголья у меня во рту, тяжелые, постыдные.

— Верно, — отвечает он. — Если ты будешь со мной особенно, особенно мила, я, возможно, устрою тебя в ту школу, в которую тебе так хочется.

Он знает, что я мечтаю обучаться актерскому мастерству в SUNY Purchase*. Когда я на сцене, я совершенно преображаюсь, оказываюсь в какой-то другой, не своей жизни. Я становлюсь кем-то, у кого проблем еще больше, но все их можно разрешить к концу вечера.

* SUNY Purchase (State University of New York at Purchase) — один из тринадцати общеобразовательных колледжей Нью-Йорка с уклоном в гуманитарные науки. *Прим. перев.*

Мне хочется выбраться из подвала. Но я не могу просто так оставить отчима. Мне не разрешено так просто уходить.

Свет лампочки, не прикрытой абажуром, превращает меня в персонажа фильма нуар. Воздух здесь, в подвале, холоднее, тяжелее. Помню, как-то раз в прошлом году отчим припарковал свой грузовик на берегу океана и положил мне руку на внутреннюю поверхность бедра, проверяя, как далеко можно зайти. Я попросила, чтобы он отвез меня домой. Он не отреагировал, заставив томиться полчаса в тягостном ожидании. Когда я рассказала о случившемся матери, она не поверила.

И вот он возвышается надо мной, его руки змеятся у меня за спиной. Снова вспоминаются зубцы вилки, но на этот раз они протыкают шарик и воздух выходит полностью. Отчим мягко шепчет мне на ухо:

— Пусть это останется между нами. Матери ни слова. Поняла меня?

Но я не понимаю. Он щиплет меня за задницу. Обнимает меня так, как отчимы не должны обнимать своих падчериц. Его руки словно черви, а мое тело — грязь.

Мне удастся вырваться, и я убегаю наверх. Мама на кухне. Она все время на кухне.

— Твой муж лапал меня за задницу, — выпаливаю я.

Она медленно кладет деревянную ложку, которой мешает еду, и идет вниз. Ложка вся перемазана красным соусом для спагетти.

Позже она заходит ко мне в комнату, где я лежу, свернувшись клубочком.

— Не переживай, — говорит она. — Он просто пошутил.

* * *

Как-то раз — дело было несколько лет назад — я выхожу из школьного автобуса. Дорога от остановки до моего дома всегда вызывает у меня напряжение. Если я вижу красный, цвета спелого помидора, пикап, принадлежащий моему отчиму, это означает, что он дома и мне придется быть там с ним вдвоем.

Но сегодня грузовика нет. Я одна. Какая роскошь! На столе в кухне стоит кофейный торт, который испекла мама. При виде крошек коричневого сахара у меня текут слюнки. Я набрасываюсь на него — каких-то пара секунд, и половины божественного десерта как не бывало.

И тут мой язык начинает пощипывать — первый признак анафилактического шока. Я к этому уже привыкла и знаю, что нужно делать: взять жидкий бенадрил и позволить искусственному вишневному сиропу покрыть язык, который раздувается, как рыба, блокируя мне дыхательные пути. Я начинаю задыхаться.

Но у нас дома есть только таблетки. А они рассасываются гораздо дольше. Я их проглатываю, и меня тут же выворачивает. Я могу делать лишь крошечные сиплые вдохи. Бегу к бежевому телефону на стене и набираю 911. Скорая приезжает через несколько минут, но мне они кажутся длиннее тех тринадцати лет, что я живу на этой земле. Я смотрю в зеркало на свое залитое слезами лицо, пытаюсь перестать реветь, потому что дышать мне от этого только сложнее. Но слезы катятся сами собой.

В карете скорой помощи по дороге в больницу мне дают игрушечного медвежонка. Я прижимаю его к себе, словно новорожденного.

Мама хмурится, но в то же время испытывает облегчение.

— Торт был посыпан колотым грецким орехом. Я испекла его для коллеги, — говорит мама. Она смотрит на медвежонка, которого я обнимаю. — Я забыла оставить тебе записку.

* * *

Я провела достаточно времени в католических соборах, чтобы знать, что значит закрывать на что-то глаза. Моя семья в этом преуспела, хотя, может, и нет. Иногда наши тщательно скрываемые секреты высовываются наружу. И тогда очень легко о них споткнуться.

Тишина в церкви не всегда умиротворяет. Она подчеркивает даже самый незначительный звук — приглушенный кашель или скрипящее колено, — эхом разносящийся по храму Божьему. Здесь нельзя оставаться полностью самим собой. Приходится вылушивать себя, как стручок.

В школе же все ровно наоборот. Я как раз слишком предоставлена сама себе, потому что эта чрезмерность — мой способ заявить, что я все еще здесь. Та я, которая настоящая, а не та я, которой он хочет меня видеть.

Меня может стошнить от чего угодно. Я по несколько раз в неделю выбегаю из кабинета биологии, и учительница идет за мной в женский туалет и протягивает мне салфетки, которые скребут по моим щекам, как наждачная

